

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 79–84. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 79–84. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1'0.09

EDN XPVFYF

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-79-84>

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ВЫГОВСКИХ РИТОРИК В ЦАРЕ-УГЛИЧСКОМ ЛЕТОПИСЦЕ

Мокрушин Сергей Дмитриевич, аспирант, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, ser.mokrush@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1566-1043>

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить в памятниках угличской староверческой книжности следы риторических схем, используемых на Выгу. В ходе работы было проведено сравнение бытовавших в выговской пустыни риторик с различными редакциями Царе-Угличского летописца («О разорении града Углича, нарицаемого древле града Угля, слаткоумильная и жалостнейшая повесть вкратце», Барсовский и Музейный летописцы). Главным объектом сравнения выступали предлагаемые в риториках схемы и приемы построения текста, выделенных в свое время Н.С. Гурьяновой, их отражение в изучаемом памятнике. Также подтверждено наличие в различных списках летописцев структурных и содержательных корректур, вводимых, по предположению И.В. Сагнака, выговскими книжниками, находящимися в контакте с угличской старообрядческой общиной. Изначальная гипотеза И.В. Сагнака подкреплена фактическим материалом: выявлена апелляция Царе-Угличского летописца к выговским приемам построения текста и его организации (прослеживание в составе рукописей частей, посвященных топике, прагматологии, хронологии и генеалогии; организация текста по пятиступенчатой схеме, предлагаемой выговской Риторикой-сводом). Последнее позволяет сделать вывод, что Царе-Угличский летописец в принципах организации и построения текста действительно восходит к выговской книжной традиции.

Ключевые слова: летопись, старообрядчество, старообрядческая книжность, Углич, Выг, риторика, заимствования.

Для цитирования: Мокрушин С.Д. Заимствования из выговских риторик в Цареугличском летописце // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 79–84. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-79-84>

Research Article

BORROWINGS FROM THE VYG RIVER RHETORIC IN THE CHRONICLE OF THE «TSAR'S CITY OF UGLICH»

Sergiy D. Mokrushin, postgraduate, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ser.mokrush@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1566-1043>

Abstract. This article attempts to identify traces of rhetorical patterns, which had been used on the Vyg River, in Uglich schismatic literary monuments. A comparison of rhetoric patterns common in the Vyg River hermitage with various versions of the Chronicle of the «Tsar's City of Uglich» («A brief, sweet, touching, and the most pitiful tale of destruction of the City of Uglich, called Ugol in old times,» – the chronicle discovered by Nikolay Barsov, and the chronicle from the Museum collection of the Russian State Library) was conducted during the course of the study. The main focus of the comparison includes the patterns and textual construction techniques, identified by Natal'ya Gur'yanova, and their reflection in the monument under study. The presence of structural and substantive corrections in various chronicle lists, which, according to Igor' Sagnak, had been introduced by scribes from the Vyg River, who were in contact with Uglich schismatic community, is also confirmed. Igor' Sagnak's initial hypothesis is supported by factual material – the Chronicle of the «Tsar's City of Uglich» appeals to the textual construction and organisation techniques characteristic of the Vyg River area. This is confirmed by the following sections of the manuscripts: those devoted to topic, pragmatology, chronology, and genealogy; and the organisation of the text according to the five-stage scheme proposed by the Rhetoric Codex from the Vyg River. This allows us to conclude that the Chronicle of the «Tsar's City of Uglich» indeed derives from the literary tradition of the Vyg River schismatics in its principles of textual organisation and structure.

Keywords: chronicle, Russian schismatic movement, schismatic bookishness, Uglich, Vyg River, rhetoric, borrowings.

For citation: Mokrushin S.D. Borrowings from the Vyg River rhetoric in the Chronicle of the «Tsar's City of Uglich». Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 79–84. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-79-84>

В отечественной науке старообрядческая книжность всегда привлекала немалое внимание. Однако, несмотря на обращения к ней, невозможно говорить об исчерпанности имеющихся исследований. Важный и до конца не проясненный вопрос касается локальной провинциальной книжной традиции, имеющей старообрядческие корни.

Особого внимания здесь заслуживает один из мощнейших центров старообрядчества – Выг – и его книжная школа. Последняя была выделена исследователями еще в первой половине XX в., и пальма первенства здесь безраздельно принадлежит Василию Григорьевичу Дружинину [Дружинин 1911]. Вместе с выявлением особой выгорецкой традиции последующими исследователями были определены и ее уникальные стилистические черты, концепции построения текстов и основы риторической системы.

Однако с изучением «центра» северной поморской старообрядческой традиции появляются вопросы, связанные с ее влиянием на сопредельные, периферийные школы. Одним из таких центров был г. Романов (сегодня – Тутаев) и его сосед в семидесяти километрах – г. Углич.

Угличское книжное старообрядческое наследие было выявлено еще в XIX в., но пристальное внимание исследователей ему не уделялось. Лишь в наши дни интерес к этому направлению стал просыпаться, во многом благодаря местному энтузиасту и исследователю – Игорю Владимировичу Сагнаку, а также целой плеяде ученых (см.: [Гурьянова; Руди, Водолазкин; Поньренко; Титова; Юхименко 2002, 2003, 2005, 2008] и др.). В своих трудах И.В. Сагак однозначно утверждал о связи книжников Углича с Выгорецким скитом через фигуру Г.Д. Тихомерова-Серебрянникова, значимого горожанина и мецената из местной старообрядческой среды. Неудивительно, что И.В. Сагак быстро пришел к выводу, что один из генеральных в плане значения памятников местной книжности – Угличский летописец – имеет следы правки выгорецкого книжника [Сагак: 27]. В своих выводах он апеллировал к данным палеографии и особенностям орфографической передачи топонимики. Однако к самому тексту через призму возможных заимствований в подробностях он не обращался.

Самым чувствительным заимствованием, с нашей точки зрения, можно считать риторические основы, которые являлись фундаментом выговской историко-географической традиции и которые могли перетечь в рассматриваемый памятник. Летописец, если его соотнесение с текстами Выгорецкой пустыни справедливо, должен нести в себе печать той традиции написания. И примеры тому обнаруживаются в тексте.

Следует начать с того, что выговская школа во многом опиралась на риторические наработки XVII в. На Выгу бытовали все известные риторические сочинения. Сверх того, там же была составлена и собственная компилятивная версия риторики: часто описываемая Риторика-свод 1720–1730 гг. и ее наследница, Поморская риторика, уже середины XVIII в. [Поньренко: 159]. В них нетрудно отыскать основные категории и понятия, схемы, которыми должен был пользоваться автор при составлении исторического повествования. Они были подробно рассмотрены в монографии Н.С. Гурьяновой «История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII в.».

Конечно, старообрядческая риторическая система изначально строилась в интересах полемики с официальной Церковью и при создании гомилитических памятников. Отсюда и базовая пятиступенчатая схема создания произведения (рассчитанного на его устное воспроизведение) [Гурьянова: 21]:

1. Изобретение – постановка тезиса и аргументации.
2. Витийство – использование приемов красноречия для оформления имеющихся данных.
3. Расположение – организация фактов в логическую структуру.
4. Память – запоминание сложившегося произведения.
5. Изгласие – поиск формы устной презентации текста, приемы рассказывания выступающего с речью.

При этом была прописана и базовая компоновка текста. Он предполагал наличие предъизвестия, повествования, утверждения и надсловия. Кроме того, важен был и подбор, отсеиваемых данных, определенное отношение к ним. Как утверждает В.Г. Дружинин, уже в середине XVIII в. старообрядцы применяли при работе с текстами критический анализ, особенно уместный при оценке выдвигаемых представителями официальной Церкви аргументов [Дружинин: 25]. Помимо базовой оппозиции категорий «правда – ложь», использовалось и трехчастное деление сведений на повествование историческое, риторское и басенное. В принципе, при проговаривании понятия «история» выговские книжники оценивали ее как череду событий добрых и злых, войны и мира, а также как образы достопамятных людей. История понималась как «четвергубая» наука, вмещающая в себя «топику» (географическое описание), «хронологию» (летоисчисление и хронологическую организацию), «генеалогию» (описание происхождения главных героев исторического произведения) и «прагматологию» (непосредственное описание событий)¹ [Дружинин: 44]. При составле-

нии исторического текста книжник должен был обращать внимание на достоверность сведений, их полноту, письменную фиксацию; вменялась в обязанность и доскональность при описании тех или иных событий, пространств, людей.

Если мы возьмем один из ключевых составных элементов Угличского летописца, мы без труда сможем обнаружить все перечисленные элементы. В «Сладкоумильной повести о разорении царственного града Угля» система повествования строится на вышеупомянутых лекалах. Автор словно бы в самом вступлении начинает отражать эту сложную, многочастную структуру. Повесть начинается с раздела, который в терминологии Выга именуется «Топикой»:

«О граде ты граде, богоспасаючи, граде столны, державнокняжуючи прекрасны Угле! Граде, славны до литовского разорения бе, царю Дмитрию уделны, царствующи велики граде! Стоишь ты, граде, по правую сторону реки Волги, издревле, ты просвещен жителми христианы. Широта твоя тогдашнего времени – пять поприщ, а долгота – семь поприщ, а окружностию – двадцать четыре поприща» [Сл. Пов.: 7].

В Барсовском списке, одной из самых мощных редакций летописца рубежа XVIII–XIX вв., таковые вставки тоже присутствуют в вступительной статье «О начале града Углича», но с большей точностью и скрупулёзностью:

«Преславный и богоспасаемый град Углич построен на восточной стране есть реки Волги, лежащий по градусом авторовых знамен адметрических под 42-м градусом, стоит по правую страну течения реки Волги, или на правой стороне над Волгою рекою, углом ко означенной велицей реке Волге, вдаль наипаче от Волги в правую страну сухопутнаго берега, по разположению самого ровнаго и лужнаго, широкаго и пространнаго места имущаго, на добрей весма земли и плодородней» [Барс.: 38–39].

В версии летописца Барсовского описание выглядит максимально вычурно и дотошно. Вместо простого определения стороны реки для читателя, дабы обозначить место действия, автор вводит почти энциклопедическую вставку с указанием положения Углича во всех плоскостях, едва ли не в объеме показывая его местоположение (даже с указанием градуса! – к слову отметить, это не составило бы труда для некоего анонимного члена выгорецкой пустыни, так как точные науки были там в ходу, тому пример цитата из «Краткого описания выгорецких отец и других ревнительных мужей. Кто откуда и какова вида и нрава быша и в кои лета скончашася» про Козму Иванова: «...научися и геометрической хитрости, зело изящно»). Подобный подход свойственен и иным выговским текстам, в частности, в «Истории об отцах и страдальцах Соловецких»:

«Монастырь Соловецкий есть киновия, си есть общежителство, собранный от стекшихся иноков во единоименное и единотрапезное, паче же единомысленное спасительное пребывание, согражденный вне мирских жилищ во едином от морских отоков, Соловки именуем, от негоже и Соловецкий нарицатися прият. Начало жития во отце преподобный отец Саватий произведе в лето 6928 (1420) при благочестивем князе Василии Василиевиче, многа лета уединенным житием спасительно безмолствова. По преставлении же онаго преподобный отец Зосима обнови жителство отока, и кинов возгради, и братию собра, чины, и уставы, и предания церковная и отеческая к назданию душ человеческих предав, спасительное наследие учеником остави.

И якоже о местоположении каковства киновии и количества отстояния вселенная, тако о веществе здания и згромаждения, тако о виде благолепотства и украшения, и твердости монастыря оставляю писати, яже не токмо россианом, самовидением присно уверяема, но и вселенная историографом и географом, на западе и востоце пребывающым, сия весма известна и во описании суть» [Денисов]

В этом же отрывке Царе-Угличского летописца можно проследить и попытки вывести хронологическую основу, следуя выговскому стандарту. Книжник, творивший Сказание, выделяет ключевые моменты в повествовании, коими являются три угличских разорения, после которых в двух случаях град оказывается на грани существования, но выживает:

«Сколко разорений граду Угличу было?

Три бо.

Первое – отъ нашествия безбожнаго царя агарянского Батья на Россию [...] едва ли не весь град Углич [...] разорися, мало мнее.

Второе разорение Углича [...] отъ Бориса Годунова, за убиение царевича Димитрия, Государя Угличкаго. [...] И дотолика град Углич разорил, что многия летописцы пишут о нем: “И опустети граду Борис Годунов учинил”.

Третье разорение Угличу обоих сих разорении превосходит искоренением и потреблением всякого чина жителей, его же написахом выше о сем [...]. И за то весь град Углич в лето 7717 разорен бысть и от поляк, и от мятежников, и от предателей весь изтреблен и погублен до конца» [Сл. Пов.: 23–24].

Это вписывается в концепцию выговской историографии как описания ключевых событий и войн, «дел злых», которые, несмотря на наличие примеров доброго жития и святых обитателей, коих изображение идет в середине вступления, подвели Углич к грани уничтожения [Гурьянова 1996: 45]. Таким образом, из четырех компонентов, делающих из текста историю, два – топика и хронология – уже представлены.

Генеалогия в этой череде составляющих приведена уже в статьях Барсовского летописца в деталях и подробностях. Не требует объяснения, что все статьи, касающиеся правителей Углича, так или иначе подчинены генеалогическому принципу, особенно в пределах конца XIV – конца XV вв., где пресекается род Андрея Васильевича Большого и Угличский удел входит в состав Московского государства. В частности, Барсовский список иллюстрирует особое отношение к преемству княжеского стола:

«И по единоедесятом отце их и сих двух в степень княжения приемлем, и есть с ними считаем и первья Углическия князи. И бывает их по се место тринадесять количеством, и яко то уже zde число совершенно преиде» [Барс.: 84].

Прагматология в тексте Царе-Угличского летописца богата материалом. Не касаясь их достоверности (авторы черпали сведения из доступных им источников², поэтому часть фактологической основы не имеет подкрепления в иных русских летописных источниках [Сагак: 27]), факты приведены в строгой завязке причин и следствий.

Самим описаниям происходящего свойственна предельная детальность изложения. Это мгновенно бросается в глаза при прочтении глав, посвященных польскому разорению. Книжники Углича старательно обозначают все понесенные городом утраты, описывая стертые с лица земли обитатели и посадки:

«И от 65 погостов точию 22, и от 13 монастырей точию 7, и от 10000-ного селения домов точию 1000, и от пятеротмотысячных человек сонма полтмотысячный, коих ныне весьма умалися число Углическа града людей и селениев посадов, и пространства многих слобод упразднися, и торжище великое, и всепрочее гражданское многобогатствие и сокровище и стяжание великое погибе, наветом вражиим и ополчением брани литовской» [Барс.: 184].

Причем, несмотря на продвинутость исторического анализа и уровня самого текста, в описании самих событий и явлений авторы придерживаются компромиссной установки по отношению к власти предрержащим, господствующей на Выгу. Так, ни разу за все время повествования мы не увидим прямой критики даже патриарха Никона, одного из главных противников «ревнителей древнего благочестия». Формулировки очень обтекаемы и уважительны. В высшей степени это можно выразить в такой цитате из текста:

«И отсюду в людех, как во граде Угличе, так и во иных градах, и весех, и селех, учинились во всей Российской нашей державе во многих о Вере смятения и разлучения промежю новопечатных и староцерковных книг. Ибо едини говеют и приемлют новопечатныя, а другии – староцерковныя книги, и по них Веру за свято себе, якоже и мы и ныне имем. И таковое разлучение в людех и донныне происхо-

дит, и не вем, аще оное смятение едва ли не Концем Света снесется и престанет» [Барс.: 243–244].

Все вышеобозначенные задачи по созданию текста углические книжники в силу традиции должны были решать в ключе риторического сложения словес, подчиняясь форме при отражении содержания. Поэтому очень строго прописанные лекала произведения прячутся за изящными конструкциями и витиеватыми оболочками. Во вступительном слове к Сладкоумильной повести это выражается в высшей степени. К примеру, описание города накануне разорения исполнено стилистических повторений и обращений-рефренов. Обращения к граду постоянны, но при этом конструкция с междометием «О!» опоясывает эту статью с начала и конца:

«О граде ты граде, богоспасающи, граде столны, державнокняжующи прекрасны Угле! Граде, славны до литовского разорения бе, царю Дмитрию уделны, царствующи велики граде! Стоишь ты, граде, по правую сторону реки Волги, издревле, ты просвещен жителми христианы».

«О, граде! Коли жалостнейшее твое разорение, колико бед претерпе, смятени превзыде, колико нещитныя крове пролил еси множайше, яже граждан слезы, яко невозможно изчести, колико граждан болезней и печали! Сие твоего, граде, первое разорение подает путь ко второму» [Сл. Пов.: 7–9].

На приеме повтора строится и описание самого города, преподносимое за счет введения новых сведений через оборот «только...»: «И толико священнолепен», «Толико жителми преименит, толико христианским благочестием украсися» [Сл. Пов.: 7]. Это возведение в абсолют идеального состояния Углича до разорения словно показывает вершину, с которой низвергается в пучину разрушения «царствующи велики град».

Повторение как прием витийства словес находится и в «Плаче на предателя Углича». Драматические обращения в своем виде чем-то напоминают даже ритмический характер акафиста. Только в «Плаче» положительные, восхвалительные характеристики заменяются негативным именованием объекта:

«О, ненасыщаемая утроба! О, дно адовых пропастей! О, житель мрачного адцакого жилища! О сыне помрачения! О, Иудин подражатель, сатанин наперсник, Лазиионов друг! О, ада вселниче!» [Сл. Пов.: 18].

Несомненно, что текст Угличского летописца подчиняется строгой структуре. Однако даже внутри редакций наблюдается динамически меняющийся подход к организации повествования – к тому, что в категориях старообрядческой риторики можно было обозначить как «расположение». С одной стороны, эффект от этого выстраивания частей неочевиден – части повторяют друг друга в смысловом ключе, дублируются и пересекаются. Так, сведения

о разорении находятся буквально везде на всем протяжении Барсовского летописца, не имея при этом некой единой линии взаимосвязи. С другой стороны, этот список интегрирует в свой состав оглавление, задача которого – структурировать имеющийся материал. Пусть это не выходит в полной мере, но само намерение показывает многое. Даже сам составитель не отрицает посредственное качество вышедшей компиляции, о чем прямо сообщает читателю в предисловии:

«Но поне, аще и простыми словами сочиних оную, и кроме наук восприях свободный смысл, и дерзнул предложенную сочиненную мною текущую историю, располагая вещи коеждо силу по статьям» [Барс.: 30].

Таким образом, генеральный памятник старообрядчества Углича – Царе-Угличский летописец – во многом опирается на структуры и категории, присутствующие перу авторов Выгорецкой общины. Базой произведения является риторическая система построения текста, предложенная общиной Денисовых на основе аккумуляции и переосмысления имеющихся текстов Риторик, что фактически подтверждает плотную взаимосвязь двух традиций, помимо уже имеющихся данных палеографии и текстологии. Отдельно следует упомянуть и «витийство», присущее старообрядческой выговской школе, однако элементы и характер применения последнего требуют рассмотрения в отдельной работе.

Примечания

¹ РГБ. Собр. Барсова. № 507. Л. 144–144 об.: «Имать же история разделение свое четверогубое: И тако, егда описует стран имеет положение им начала и окончания, где лежит Азия, где Африка, где Европа и новоизобретенная часть мира Америка. Каковаго состояния жители, земли плодоносие, горы и сим подобная. Тогда именуется Топика, си есть местная. Егда же исчисляет времена от создания мира или от изшествия народа израильскаго от Египта, от олимпиад греческих или от испанских эр и прочая, тогда нарицается Хронология, си есть летоисчисление. Паки, егда изъясняет домочадства, колена, роды и племена отеческая, благородных человек фамилии и прочая, приемлет себе звание Генеалогия, си есть родословие. Послежде, егда описует вещи содеянные и действия славных мужей, тогда сие имя имать Прагматология, еже есть деесловие» (приведено по: [Гурьянова, 1996: 44]).

² К отбору материала относились достаточно серьезно: «А о чем прежде не стяжах уведати, то и предается безвестию или иным, могущим вящши нас уведати и пространнее описати историевграфически, во удовлетворение ширшее показати, то оставляем на рассуждение исполнительнейших показаний коеждо трудолюбнаго снискателя» [Барс.: 29].

Список литературы

Источники

Сл. Пов. – О разорении града Углича, нарицаемого древле града Угля, слаткоумильная и жалостнейшая повесть вкратце // Царе-Углический летописец / подг. к печати И.В. Сагнак. Углич, 2013. С. 5–23.

Барс. – «Барсовский» Краткий Углический летописец (ГМЗРК, № Р-48) // Царе-Углический летописец / подг. к печати И.В. Сагнак. Углич, 2013. С. 25–336.

Муз. – Музейный Летописец // Царе-Углический летописец / подг. к печати И.В. Сагнак. Углич, 2013. С. 337–592.

Денисов – Денисов С. История об отцах и страдальцах Соловецких // Библиотека литературы Древней Руси Т. 19: XVIII век / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под. ред. Д.С. Лихачева и др. Санкт-Петербург: Наука, 2015. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-19/4#source (дата обращения: 13.03.2026).

Исследования

Дружинин В.Г. Поморские палеографы начала XVIII столетия. Петроград, 1921. 66 с.

Дружинин В.Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. Санкт-Петербург: Тип. М.А. Александрова, 1911. 32 с.

Гурьянова Н.С. Исторические штудии противников церковной реформы во второй половине XVII века // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 258–250. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-shtudii-protivnikov-tserkovnoy-reformy-vo-vtoroy-polovine-xvii-veka> (дата обращения: 22.03.2026).

Гурьянова Н.С. История и человек в сочинениях старообрядцев. Новосибирск: Наука, 1996. 232 с.

Гурьянова Н.С. О традиционализме старообрядцев // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 53–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-traditsionalizme-starooobryadtsev> (дата обращения: 22.03.2026).

Поньренко Н.В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Ленинград, 1981. Т. 36. С. 154–162.

Поньренко Н.В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси: XVII в. Санкт-Петербург, 1994. С. 111–112.

Руди Т.Р., Водозазкин Е.Г. Из истории литературной топики: старообрядческая традиция // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 92–99.

Сагнак И.В. Об углическом Староверии: статьи разных лет. Углич: Угличское родословно-краеведческое общество им. Ф.К. Кисселя, 2014. 81 с.

Титова Л.В. Публицистические сочинения старообрядцев как механизм трансляции политических и нравственных идей (на материалах собрания рукописей института истории СО РАН) // Историче-

ский курьер. 2021. № 6 (20). С. 88–96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publitsisticheskie-sochineniya-starobryadtsev-kak-mehanizm-translyatsii-politicheskikh-i-nravstvennyh-idey-na-materialah-sobraniya> (дата обращения: 22.03.2026).

Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература: в 2 т. Москва: Языки славянских культур, 2002.

Юхименко Е.М. Духовная жизнь староверческой общины и летописание: Выго-Лексинский и Дегуцкий летописцы // Староверие Латвии. Рига: Старообрядческое общество Латвии, 2005. URL: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/261-1-0-771> (дата обращения: 22.03.2026).

Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежителства: в 2 т. Москва: Языки славянских культур, 2008.

Юхименко Е.М. Старообрядческая книжность и проблема реконструкции древнерусского литературного обихода // ТОДРЛ. Москва, 2003. Т. 54. С. 231–237.

References

Druzhinin V.G. *Pomorskie paleografy nachala XVIII stoletia* [Pomors' paleographers in the beginning of XVIII c.]. Petrograd, 1921, 66 p. (In Russ.)

Druzhinin V.G. *Slovesnye nauki v Vygovskoi pomorskoj pustyni* [Verbal sciences in the Vygovskaya Pomorskaya poustinia]. Sankt-Peterburg, Tip. M.A. Aleksandrova Publ., 1911, 32 p. (In Russ.)

Iukhimenko E.M. *Vygovskaia starobriadcheskaia pustyn': Dukhovnaia zhizn' i literatura: v 2 t.* [Vygovskaya Old Believer poustinia: Spiritual Life and Literature: in 2 vols.]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2002. (In Russ.)

Iukhimenko E.M. *Dukhovnaia zhizn' starovercheskoi obshchiny i letopisanie: Vygo-Leksinskii i Degutskii letopistsy* [The spiritual life of the Old Believer community and the chronicle: Vygo-Leksinsky and Degutsky chroniclers]. *Staroverie Latvii* [The Old Faith of Latvia]. Riga, Starobriadcheskoe obshchestvo Latvii Publ., 2005. URL: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/261-1-0-771> (access date: 22.03.2026). (In Russ.)

Iukhimenko E.M. *Literaturnoe nasledie Vygovskogo starobriadcheskogo obshchegitel'stva: v 2 t.* [The literary heritage of the Vyg Old Believer community: in 2 vols.]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2008. (In Russ.)

Iukhimenko E.M. *Starobriadcheskaia knizhnost' i problema rekonstruktsii drevnerusskogo literaturnogo obikhoda* [Old Believers' Literacy and the problem of reconstruction of Ancient Russian Literary usage]. *TODRL* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, 2003, vol. 54, pp. 231–237. (In Russ.)

Gur'ianova N.S. *Istoricheskie shtudii protivnikov tserkovnoi reformy vo vtoroi polovine XVII veka* [His-

torical studies of opponents of Church reform in the second half of the 17th c.]. *Istoricheskii kur'er* [Historical Courier], 2022, no. 2 (22), pp. 258–250. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-shtudii-protivnikov-tserkovnoy-reformy-vo-vtoroy-polovine-xvii-veka> (access date: 22.03.2026). (In Russ.)

Gur'ianova N.S. *Istoriia i chelovek v sochineniiakh starobriadtsev* [History and person in the writings of the Old Believers]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1996, 232 p. (In Russ.)

Gur'ianova N.S. *O traditsionalizme starobriadtsev* [About the traditionalism of the Old Believers]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2022, no. 2, pp. 53–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-traditsionalizme-starobryadtsev> (access date: 22.03.2026). (In Russ.)

Ponyrenko N.V. *Uchebniki ritoriki na Vygu* [Textbooks of rhetoric at Vyg]. *TODRL* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, 1981, vol. 36, pp. 154–162. (In Russ.)

Ponyrko N.V. *Esteticheskie pozitsii pisatelei vygovskoi literaturnoi shkoly* [Aesthetic positions of the writers of the Vygovskiy literary style]. *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi: XVII v.* [Literacy centers of Ancient Russia: XVII c.]. Saint Petersburg, 1994, pp. 111–112. (In Russ.)

Rudi T.R., Vodolazkin E.G. *Iz Istorii literaturnoi topiki: starobriadcheskaia traditsiia* [From the historical and literary theme: The Old Believer tradition]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University], 2019, no. 6 (183), pp. 92–99. (In Russ.)

Sagnak I.V. *Ob uglicheskom Staroverii: stat'i raznykh let* [About the uglichesky Old belief: articles from different years]. Uglich, Uglichskoe rodoslovno-kraevedcheskoe obsh-vo im. F.K. Kisselia Publ., 2014, 81 p. (In Russ.)

Titova L.V. *Publitsisticheskie sochineniia starobriadtsev kak mekhanizm translyatsii politicheskikh i нравstvennykh idei (na materialakh sobraniia rukopisei instituta istorii SO RAN)* [Publicistics writings of the Old Believers as a mechanism for the transmission of political and moral ideas (based on the materials of the manuscript collection of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)]. *Istoricheskii kur'er* [Historical Courier], 2021, no. 6 (20), pp. 88–96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publitsisticheskie-sochineniya-starobryadtsev-kak-mehanizm-translyatsii-politicheskikh-i-nravstvennyh-idey-na-materialah-sobraniya> (access date: 22.03.2026). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.02.2026; одобрена после рецензирования 03.03.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 28.02.2026; approved after reviewing 03.03.2026; accepted for publication 24.03.2026.